

языка по территориальным вариантам аффрикаты *ʒ* или аффрикаты *ʒ* привели к разным результатам⁶.

В конце книги для того, чтобы дать представление о «живой ткани» исследуемого языка, приведены образцы ретороманских текстов, а также песни и ютним приложением, расшифрованные с пластинок доц. Ленинградской консерватории Н. П. Корыхаловой.

Книга снабжена предметным и именным указателями.

Для иллюстрации положений, изложенных в тексте, в рецензируемой монографии приведены карты, составленные по К. Пульту, по М. Гришу, по «Лингвистическому и этнографическому атласу Италии и Швейцарии» Я. Юда и К. Яберга, по А. Видмеру и др., а также многочисленные таблицы.

Несколько замечаний. Утверждение о том, что различные написания в рамках одного и того же варианта иногда бывают связаны с разным вероисповеданием, вызывает недоумение. Так, в сурсельском различаются написания, принятые у католиков и у реформатов (стр. 27). Отличия, обусловленные вероисповеданием, пишет автор, имеются и в системе местоимений литературного сельского вариан-

та (стр. 61). Очевидно, речь идет о заимствовании отдельных форм из соседнего диалекта или литературного варианта.

Один из сложных разделов в работе — это фонетическая и фонологическая характеристика взрывных сельского и западного вариантов. Хотелось бы более развернутой характеристики среднеязычного взрывного /h/, а также фонемы /h/. Не дается характеристика сочетаемости графем, в частности, не установлены особенности алаута, алаушта и илаушта (стр. 31, 40, 41, 64).

Следовало бы более подробно остановиться на теории стратов (инстрат — адстрат, субстрат — суперстрат) применительно к исследуемому ретороманскому материалу (стр. 171—174).

«Современный литературный ретороманский язык Швейцарии» М. А. Бородиной является, несомненно, одним из лучших трудов по ретороманскому языку. Специалисты по романскому и общему языкознанию, ознакомившись с трактовкой автором проблем вариативности литературного языка, соотношения литературного языка и диалектов, заимствования из родственных и неродственных языков, формирования единой литературной нормы с учетом данных диалектистической географии и диалектологии (территориальной и социальной), классификация языков и диалектов и др., приблизятся к разрешению аналитических задач относительно других языковых единиц.

Р. Я. Удаль

⁶ См.: J. G h e t i e, Cu privire la repartiția graiurilor dacoromâne. Criterii de stabilire a structurilor dialectale a unei limbi, «Studii și cercetări lingvistice», 1964, 3, стр. 323, 332.

У. С. Зекох. Система склонения в адыгейском языке. — Майкоп, Адыгейск. отд. Краснодарск. кн. изд-ва, 1969, 224 стр.

Система склонения в адыгейском языке впервые подвергается обстоятельному и всестороннему исследованию в рецензируемой монографии.

Цель своей работы У. С. Зекох видит в том, чтобы «охарактеризовать состояние адыгейского склонения в синхронном и диахронном планах» (стр. 3). Немало внимания в книге уделяется анализу фантов живой разговорной речи, поэтому к монографии приложены образцы текстов, записанных на основных диалектах адыгейского языка с комментариями и подстрочными переводами (стр. 160—224)¹.

В первой главе «История разработки вопроса об адыгейских падежах» (стр. 5—

55) дается обзор и критический анализ литературы вопроса (в частности, трудов Л. Люлье, У. Берсея, Р. Эркерта, А. Дирра, Н. Яковлева, Д. Ашхамафа, Г. Рогава). Отмечая достижения и недостатки лингвистических наблюдений в научной области, автор показывает на конкретном материале несостоятельность использованных иноязычных схем склонения с фактами адыгейского языка. Из-за недостатков применявшейся в прошлом методики исследования, адыгейское склонение зачастую рассматривалось сквозь призму европейской деклинационной системы. Ныне существующие традиционные концепции относительно сращения адыгейских падежей, по мнению У. С. Зекоха, несут на себе следы влияния теорий, построенных применительно к иносистемным языкам.

Во второй главе «Семантико-морфологическая характеристика системы склонения» (стр. 56—94) падеж рассматривается как морфологическая единица, определяемая единством двух планов — плана

¹ В целях максимально точной передачи на русском языке структурных особенностей адыгейских слов автор часто выходит за рамки требований дословного перевода и калькирует грамматический состав этих слов; по этой причине остались в пропуске смысл и синтаксис перевода отдельных адыгейских фраз.

выражения и плана содержания. Глава предварена критическими замечаниями о терминологии адыгейского склонения и обоснованием необходимости предлагаемых новых терминов.

Основная часть главы содержит описание следующих падежей: патетивный, эргативный, относительный, творительный и адессивный. В системе личных местоимений выписывается также сравнительный падеж. Тем самым У. С. Зекох вносит поправку в ранее высказанное им положение о четырехчленности именного склонения и пятичленности системы склонения личных местоимений², корректируя тем самым распространенное мнение о бедности адыгейских имен и местоимений формами склонения.

Сравнительный и адессивный падежи в адыгейском языке впервые выделены автором, который языковыми фактами доказывает реальность их существования.

Говоря о различных моделях склонения адыгейских имен, автор отмечает, что слога этой части речи изменяются ныне по двум типам склонения, тогда как на более ранних этапах развития адыгейского языка они склонялись по одной модели. Одноименное склонение было присуще адыгейскому языку, тогда имена изменялись по нем по падежной парадигме с так называемой «осевой структурой».

Подробное описание падежного склонения адыгейских имен позволяет сделать вывод, что адыгейское склонение... агглютинативно по своей природе, но ему присущи и некоторые флективные свойства» (стр. 78).

Индивидуальность адыгейского языка У. С. Зекох видит и в принципах образования некоторых адыгейских падежей по моделям вроде «эргатив плюс падежный аффикс», «сравнительный падеж плюс падежный суффикс» и т. д. (стр. 81-82). К своеобразным чертам адыгейского склонения следует отнести также впервые отмеченное в монографии употребление в бжедугском диалекте усеченного творительного падежа для выражения предиката — «творительный предикативный» (стр. 85-86).

Образование патетивного, эргативного и относительного падежей (в их определенной форме) сопровождается появлением гласного элемента *и/о* между согласным исходом основы имени и согласным окончанием. Этот гласный элемент до сих пор считался этимологически объяснимым. Однако автор полагает иначе: «Для облегчения произношения смежных согласного исхода основы и согласного окончания, артикуляционного перехода от первого к последнему появляется между ними гласный элемент, который не

входит ни в состав основы, ни в состав окончания. Его невозможно объяснить этимологически» (стр. 88). Этот гласный звук обозначается термином «вокалическая вставка». Он посылается как в собственно адыгейских словах, так и в недавних заимствованиях. Примеры: *аьаьаь-р* «племня», *пшшш-ы-р* «утка», *коммунизм-э-р* «коммунизм», *космонавт-ы-р* «космонавт» и др.

К числу наиболее неразработанных в адыгейском языкознании относится синтаксис падежей. В третьей главе «Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей» рассматриваются следующие вопросы: а) существует ли грамматическое подлежащее в адыгейском языке?, б) эргатив в функции обстоятельного члена предложения, в) относительный падеж в функции обстоятельного члена предложения, г) относительный падеж в роли прилагательного определения, д) адессивный падеж в роли обстоятельного члена предложения и е) имеется ли в адыгейском языке приименное определение?

Недочеты существующих интерпретаций синтаксических функций адыгейских падежей автор объясняет, прежде всего, несовершенством методики синхронного анализа языка, неправильностью применяемых критериев определения синтаксических функций падежей (напр. членов предложения). В книге убедительно показано, что логико-семантическое установление синтаксических эквивалентов адыгейских падежей оказывается недостаточным, точно так же, как разграничение падежей путем постановки к ним смысловых вопросов. У. С. Зекох возражает также против механистического выведения схемы членов адыгейского предложения с опорой на синтаксические модели иносистемных языков. Между тем в русском и адыгейском языках форма имени логического субъекта характеризуется в предложении принципиально различными синтаксическими чертами: в русском — независимое положение в структуре предложения, синтаксическое значение субъекта действия, роль организующего центра предложения и выражение посредством самодовлеющей формы имени — именительным падежом (nominativus); в адыгейском — зависимое положение в структуре предложения, синтаксическое значение объекта действия, роль управляемого элемента предложения и выражение посредством зависимой формы имени. На этом основании автор говорит о своеобразии синтаксического эквивалента логического субъекта в адыгейском предложении, об отсутствии в адыгейском языке подлежащего как синтаксической категории.

Думается, что потребуется специальное исследование семантико-структурных особенностей простого предложения для того, чтобы всесторонне обосновать отсутствие

² См. об этом: У. С. Зекох, О системе склонения в адыгейском языке, «Уч. зап. Адигейск. НИИЯЛИ», II, 1963.

грамматического подлежащего в адыгейском языке.

Касаясь вопроса о синтаксической функции относительного падежа в прилагательной позиции, автор отмечает атрибутивную природу этой функции. Возражая против интерпретации атрибутивной функции относительного падежа качественных слов в прилагательной позиции как наречной категории, У. С. Зекох полагает, что такое истолкование невозможно уже из-за отсутствия в адыгейском языке так называемых «классических» наречий, по аналогии с которыми словоформы, используемые в прилагательной атрибутивной функции, могли бы заместить в образе морфологически неизменяемых слов.

Таким образом, согласно концепции автора, в состав адыгейского простого предложения входят: главный член (т. е. «выражение логического предиката»), агентивное дополнение, активное дополнение, поясняющее дополнение, прилагательное определение и обстоятельствоный член (стр. 109, 139).

В адыгейском языкознании до сих пор остается спорным вопрос о грамматической природе падежных форм качественных слов в присубстантивной позиции. Часто такие формы наделяются самостоятельной атрибутивной функцией, и на этом основании говорят о существовании в адыгейском языке приименного определения, а слова, употребляющиеся в функции этого члена предложения, выделяют в категорию имен прилагательного.

У. С. Зекох полагает, что в адыгейском языке качественное слово в присубстантивной позиции сливается с предметным в одно сложное слово с общим грамматическим оформлением и объединяющим их динамическим ударением. По его мнению, «адыгейские языковые образования типа *джан-фэжыр* [«белое платье».— З. Б.] по своим словообразовательной и словоизменительной моделям обнаруживают известное сходство с русскими сложными словами вроде *первозащитник*, *первозащитник* и т. д.» (стр. 137). С этой точки зрения, естественно, невозможно говорить о существовании в адыгейском языке приименного определения как синтаксической категории и имени прилагательного как отдельного грамматического класса слов. По тем же мотивам автор отрицает существование в адыгейском языке и другой группировки слов, которая обычно квалифицируется как имя числительное.

Таким образом, по мнению автора, адыгейские слова предметной, качественной и количественной семантики составляют один лексико-грамматический класс слов, который называется категорией имени. Но здесь, естественно, напрашивается вопрос: в чем же заключается их общность и их различия? Представляется

необходимым проанализировать и определить семантические, структурные и грамматические особенности этих группировок слов и тем самым внести ясность в понимание сущности такой объемной и сложной части речи, как «назогорпа имени». К сожалению, этого нет в работе — правда, автор специально такой задачи перед собой в рецензируемой книге не ставил. Хотелось надеяться, что У. Зекох посвятит этой важной для адыгейской грамматики теме специальное исследование и покажет, какие общие признаки присущи названным лексико-семантическим группировкам слов на грамматическом уровне адыгейского языка, определит критерии выделения частей речи, предложит их классификацию.

В этой же главе автор останавливается на вопросах выделения границы сложного слова в адыгейском языке, отмечая, что основными признаками, по которым сложное слово выделяется в адыгейской речи, являются а) общее слагаемым частям композиты грамматическое (морфологическое) оформление и б) объединяющее слагаемые части композиты динамическое ударение» (стр. 139).

В четвертой главе «К генезису и истории адыгейских падежей и падежных суффиксов» (стр. 140—159) разбираются вопросы, одинаково важные и трудные для адыгейского языкознания — прежде всего, из-за отсутствия письменных памятников. Стремясь реконструировать древнее состояние адыгейского склонения, автор собрал и систематизировал ценный фактический языковой материал по истории адыгейского склонения и падежных аффиксов, который будет полезен исследователям адыгских языков.

По мнению У. С. Зекоха, парадигма из трех падежей — общего, относительного и творительного — представляет наиболее древнюю ступень развития адыгейского склонения.

В адыгейском и набардинском языках писются падежный, эргативный, относительный и творительный падежи, тогда как сравнительный и адессивный известны только адыгейскому. На этом основании автор выделяет в формировании адыгейской системы склонения два хронологических периода: а) наслоение периода адыгской языковой общности, когда оформились такие падежи, как падежный, эргативный, относительный и творительный; б) наслоение периода после дифференциации адыгских языков, когда в адыгейском, в отличие от набардинского, образовались сравнительный и адессивный падежи» (стр. 143).

В развитии падежей выделяются три этапа: а) семантический (адессив), б) семантико-синтаксический (эргативный, сравнительный, относительный и творительный падежи) и в) синтаксический (падежный) (стр. 144). При этом подразаивается, что семантические отношения

представляют высшую ступень падежной абстракции, семантико-синтаксические — промежуточную, синтаксические — высшую.

Переходя к объяснению генезиса морфологических показателей падежей, автор вполне убедительно этимологизирует суффиксы эргативного, относительного и адессивного падежей. Его объяснение происхождения суффикса патетивного падежа, по моему мнению, нуждается в дополнительной аргументации.

Исследователи адмских языков обычно возводили суффикс творительного падежа *-kis* к слову *kis* «ручка, рубчатка». У. С. Зекс считает, что суффикс этого

падежа и союз *-khi* «и» имеют общее происхождение. Привлекаемый к анализу материал из адмских и других родственных им языков подтверждает эту точку зрения.

Рецензируемая монография ценна постановкой и решением важных теоретических проблем адмского языкознания, глубиной анализа языковых фактов, умелым привлечением фактов из родственных языков. В целом монография представляет собой значительный вклад в адмское языкознание; ее с интересом и пользой прочтут все, кто занимается изучением адмских языков.

З. У. Баясов

D. St. Worth. Dictionary of Western Kamchadal. — Berkeley — Los Angeles. University of California Press, 1938. 320 стр.

Д. С. Уорт уже давно занимается изучением ительменского языка. Помимо серии статей, посвященных отдельным вопросам ительменского языка, им опубликованы тексты, записанные в 1910—1911 гг. русским ученым В. И. Иохельсоном¹. Рассматриваемый здесь словарь — вторая крупная работа Д. Уорта по ительменскому языку. Констатируя, таким образом, что интерес к ительменскому языку в США постоянен, можно надеяться, что научная разработка его будет продолжаться.

Выход в свет словаря Д. Уорта — значительное событие в палеоазиатоведении уже потому, что перед нами — первый словарь ительменского языка. До этого были опубликованы отдельные списки ительменских слов и форм, более или менее обширные, но не претендующие на обработку материала. К тому же и качество записи весьма несовершенно, так как авторы списков не были лингвистами и не знали ительменского языка практически. Из таких списков Д. Уорт был взят в качестве источников списки С. П. Крашенинникова², А. Эрмана³ и список польского врача Б. Дыбовского, издавший И. Радлинский⁴. В ряду ука-

зываемых Д. Уортом источников находим также статью С. Н. Стебняцкого «Ительменский язык»⁵, которая, вероятно, служила Уорту скорее справочником по фонетике и морфологии ительменского языка, поскольку собственно словарного материала в ней очень мало⁶. Главным источником для словаря явились записки В. И. Иохельсона тексты; они составляют основную корпус материала словаря (около 80%).

Д. Уорт вынужден был ограничить свою задачу составлением словаря западного ительменского «языка», так как только по этому «языку», представляющему группу западных диалектов, имеются записи достаточно обширных текстовых материалов. Из существовавших во времена Крашенинникова трех групп диалектов ительменского языка — западной, восточной и южной — две последних полностью утрачены еще в XIX в., и сколь угодно представительных материалов по этим группам не имеется. Привлечать же для сопоставления с лексикой западных диалектов те шитомские списки слов восточной и южной групп, которые были оставлены предшественниками, Д. Уорт не считал возможным, и это ограничение,

¹ «Kamchadal texts collected by W. Johelson», by D. S. Worth, «Gravenhage, 1961».

² С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, 1-е изд. — СПб., 1755, 4-е изд. — М. — Л., 1949.

³ A. Erman, Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeanen in den Jahren 1828, 1829 und 1830, T. I, Bd. 3, Berlin, 1848.

⁴ «Stownik narzeczy ludów kamczackich», «Rozprawy Akademii umiejętności», Wydział filologiczny, Serja II, t. I — 1891—1892, t. II — 1893, t. IV — 1894.

⁵ Сб. «Языки и письменность народов Севера», т. III, М. — Л., 1934.

⁶ Строго говоря, эти материалы принадлежат не столько С. Н. Стебняцкому, сколько В. Г. Богораду. Как указывает сам С. Н. Стебняцкий (указ. соч., стр. 85, прим. 1), его статья «представляет перевод и систематизацию материалов по ительменскому языку, данных для сравнения с турурагеланским языком в работе проф. В. Г. Богорада „Chukchee“» («Handbook of American Indian languages», by F. Boas, pt. II, Washington, 1922).